

Павел
Басинский
Горький
Страсти
по Максиму

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1.09 Горький А.М.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Горький А.М.
Б27

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Автор и Редакция Елены Шубиной благодарят ИМЛИ РАН за предоставленные фотоматериалы

Издание третье

Басинский, Павел Валерьевич.
Б27 Горький : Страсти по Максиму / Павел Басинский. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2024. — 540, [4] с., ил. — (Литературные биографии). — В кн. также: Горький глазами современников.

ISBN 978-5-17-161994-7

Максим Горький — одна из самых сложных личностей конца XIX — первой трети XX века. И сегодня он остается фигурой загадочной, во многом необъяснимой. Спорят и об обстоятельствах его ухода из жизни: одни считают, что он умер своей смертью, другие — что ему “помогли”, и о его писательском величии: не был ли он фигурой, раздутой своей эпохой? Не была ли его слава сперва результатом революционной моды, а затем — идеологической пропаганды? Почему он уехал в эмиграцию от Ленина, а вернулся к Сталину?

На эти и другие вопросы отвечает Павел Басинский — писатель и журналист, лауреат премии “Большая книга”, автор книг “Подлинная история Анны Карениной” и “Подлинная история Константина Левина”, “Лев Толстой: Бегство из рая”, “Святой против Льва” о вражде Толстого и Иоанна Кронштадтского, “Лев в тени Льва” и “Посмотрите на меня. Тайная история Лизы Дьяконовой”.

В книге насыщенный иллюстративный материал; также прилагаются воспоминания Владислава Ходасевича, Корнея Чуковского, Виктора Шкловского, Евгения Замятина и малоизвестный некролог Льва Троцкого.

УДК 821.161.1.09 Горький А.М.
ББК ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Горький А.М.

ISBN 978-5-17-161994-7

© Басинский П.В.
© Шкловский В.Б., наследники
© Чуковский Д.Д.
© Наппельбаум М.С., наследники
© Бондаренко А.Л., художественное оформление
© ООО “Издательство АСТ”

*Светлой памяти
Всеволода Алексеевича Сурганова*

СОДЕРЖАНИЕ

Инопланетянин. Предисловие..... II

ДЕВЯТЬ ДНЕЙ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Заключение к протоколу	21
“Чтобы я пошла смотреть, как его будут потрошить?”	24
Сам виноват?	25
Чудо воскрешения	26
Трагический кордебалет	29
Дело врачей	32
“Надумали болеть!”	35
“Максимушка” и “товарищи”	39
“Погубили, плохо”	43

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

ПРОКЛЯТИЕ РОДА КАШИРИНЫХ

“А был ли мальчик?”	61
“Без церковного пения, без ладана...”	65
“Сеяли семя в непахану землю”	71
Бабушка Акулина	80

ДЕНЬ ВТОРОЙ

СИРОТА КАЗАНСКАЯ

То “люди”, а то “человеки”	91
Колдун с сундуком	94
Второй искушитель	98
Его школы	99
“Сын народа”	103

Покончить с собой	106
Гадкий утенок	111
Горький и черт	117
Горький и церковь	127

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

ОПАСНЫЕ СВЯЗИ

“В пустыне, увы, не безлюдной”	135
Положительный человек	149
Переход и гибель	152
Ницше и Горький	161

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПРАВДА ИЛИ СОСТРАДАНИЕ?

(ПЬЕСА “НА ДНЕ”)

.....	167
-------	-----

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

СИЛА И СЛАВА

Испытание Льва, испытание Львом	177
Горький, Бунин и Шалапин	194

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

ДРУЖБА-ВРАЖДА

Единственный друг	215
Невидимый враг	217
Непокорный ученик	223
“Мужское” и “женское”	229
Революция и эмиграция	234
Начало вражды	237
На Капри	243
Вражда	253

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАКСИМА

Гапоновщина	263
Сектант и еретик	270
Религия социализма	292

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Крушение гуманизма	301
Горького “заказывали”?	309

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ

ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ

“Чудесный грузин”	321
Возвращение “условно”	325
Конец Горького	338

Приложение

ГОРЬКИЙ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ

Владислав Ходасевич. Воспоминания о Горьком	343
Корней Чуковский. Две души М.Горького	413
Евгений Замятин. М.Горький	483
Виктор Шкловский. Горький — как он есть	497
Лев Троцкий. О Горьком	509

<i>Основные даты жизни и творчества М.Горького</i>	<i>515</i>
<i>Именной указатель</i>	<i>520</i>
<i>Список источников</i>	<i>540</i>

ИНОПЛАНЕТЯНИН

В детстве, отрочестве и юности ему не доставало любви. Простой, теплой человеческой любви... Именно в этом его ранняя трагедия и объяснение псевдонима “Горький”, который он придумал себе в 1892 году в Тифлисе, когда написал первый рассказ “Макар Чудра” (сразу — шедевр!), и который в конце концов подменил его настоящее имя — Алексей Пешков (с ударением на последнем слове).

С двух лет полусирота, потом круглый сирота. Мальчик на побегушках в иконописной мастерской. Посудник на пароходе. Помощник пекаря в Казани, таскавший на своих плечах многопудовые мешки с мукой и мешавший тесто в огромных чанах, чтобы ранним утром студенты университета, куда его не приняли, получали свежие теплые булочки, которые он сам же им разносил... Потом — помощник присяжного поверенного. Потом — странник по Руси...

Затем — российская и мировая знаменитость, самый известный после Толстого русский писатель начала XX века. И еще — дважды эмигрант, до революции и после, в общей сложности тринадцать лет проживший в Италии. Главный писатель Советского Союза с членским билетом Союза писателей № 1. Потом эта странная, до сих пор вызывающая вопросы смерть на казенной даче в Горках-10, по той же самой дороге, на которой находилась дача и резиденция Сталина. И наконец — прах, замурованный в кремлевской стене рядом с Куйбышевым и Кировым. Прах такой государственной значимости, что даже часть его отказались выдать вдове, чтобы похоронить на Новодевичьем кладбище рядом с могилой сына Максима.

Последние месяцы, дни и часы Горького наполнены какой-то жутью. От этого невольно стараешься отвести глаза. Какие-то чужие люди в мундирах и френчах — Сталин, Молотов, Ворошилов — возле постели умирающего русского писателя пьют шампанское — это даже не так страшно, как именно противно душе. Подруга Горького Екатерина Кускова писала: “Но и над молчащим писателем они стояли со свечкой день и ночь”.

Они как бы сторожили его последний вздох. “Мы вместе. Ты наш...” И он опустил руки.

Наивно думать, что возвращение Горького в СССР было следствием чего-то определенного: какого-то “подкупа”, например. Что “история с чемоданом”, в котором якобы хранился тайный архив писателя, прольет свет на логику “конца Горького”. Просто в эмиграции ему не было места. Это хорошо понимали и он сам, и все его современники. Та же Кускова писала: “Горький — знатный эмигрант мог бы быть очень богатым, если бы он был в силах стать эмигрантом”.

Пойдем дальше. А было ему место в СССР, “в буче, боевой, кипучей”, молодых советских писателей? Мы все-таки не найдем точного ответа, и придется оставить его “на потом”, когда, мол, “все будет известно”. Пожалуй, это главная особенность биографии Горького: все линии его судьбы не имеют конца, обрываются в какую-то пустоту, как и линии его последнего романа “Жизнь Клима Самгина”, который читаешь, читаешь, читаешь, и кажется: вот-вот схватишь его смысл... Но — нет... И оставишь “на потом”...

Странная фигура! Огромная, но странная...

Вот его повесть “В людях”. Это не просто так сказано. Если почистить потускневший смысл этого слова, обнажится черная дыра в сознании Горького. Это нужно понять по принципу “остранения”. Если можно находиться “в людях”, значит, можно быть и где-то еще. В не-людях, что ли? “Люди” для Горького — это не просто среда обитания, кото-

рую не замечаешь (как воздух), но чуждое материальное пространство, в которое заброшен мальчик *по чьей-то воле*. По чьей же? И на этот вопрос он не знает ответа. Но в любом случае понятно, что это была какая-то недобрая воля, если девизом молодого человека стало: “Мы в мир пришли, чтобы не соглашаться...”

Существует народная притча о лягушках, которые попали в кувшин со сметаной. Первая сложила лапки и утонула. Вторая колотила лапками до тех пор, пока сметана не стала маслом, и она не выбралась наружу. Горький по своей сильной, упрямой натуре был второй лягушкой, и когда судьба выбросила его “в люди”, он месил внезапно окружившее его пространство, как тесто в пекарне, пока оно не сдалось и не дало “чужаку” места на земле.

Вот хроника его странствий по Руси за 1891 год. Уходит из Нижнего Новгорода. Обошел Поволжье, Дон, Украину, Крым, Кавказ. Посещает Казань, Царицын, живет на станции Филоново Грязе-Царицынской ж/д. Приходит в Ростов-на-Дону, работает грузчиком. Из Ростова идет в Харьков. Из Харькова — в Рыжовский монастырь, затем — в Курск. Из Курска — в Задонск. Посещает монастырь Тихона Задонского. Идет в Воронеж. Возвращается в Харьков. Потом — в Полтаву, из Полтавы через Сорочинцы — в Миргород. Посещает Киев. Идет в Николаев. Приходит в село Кандыбово Николаевского уезда. Избит мужиками. После николаевской больницы идет в Одессу. В Очакове работает на добыче соли. Путешествует по Бессарабии и возвращается в Одессу. Идет в Херсон, Симферополь, Севастополь, Ялту, Алупку, Тамань... Приходит на Кубань. Арестован в Майкопе как бездомный. Беслан, Терская область, Мухет. Снова арестован. Пришел в Тифлис.

Какая запутанная география! А между тем он просто путешествовал вместе с потоками мигрирующего русского народа, который двигался на работы и промыслы с севера на юг. Но среди этого народа были и воры, и грабители,

и попрошайки. И со всеми он находил общий язык. Но при этом оставался все-таки чужаком. Спутником. “Мой спутник” называется один из его лучших ранних рассказов.

В конце концов судьба вынесла его в газетчики, а затем и в писатели. Но и здесь он поначалу был чужим. Как бы ни ласкала его на первых порах интеллигенция, какие бы банкеты ни давались в Петербурге в его честь (тосты поднимали Милюков, Струве, Короленко и другие), они все-таки держали его за “гостя”. Бог его знает, кто он, откуда и зачем явился? Толстой принял Горького за мужичка и говорил с ним матерком, но затем понял, что ошибся. “Не могу отнестись к Горькому искренно, сам не знаю почему, а не могу, — говорил Чехову. — Горький — злой человек. У него душа соглядатая, он пришел откуда-то в чужую ему, Ханаанскую землю, ко всему присматривается, все замечает и обо всем доносит какому-то своему богу”.

Горький платил аристократам и интеллигенции той же монетой. В письмах к Репину и Толстому он пел гимны во славу Человека: “Я не знаю ничего лучше, сложнее, интереснее человека...”; “Глубоко верю, что лучше человека ничего нет на земле...” И в это же самое время написал же не Екатерине Пешковой: “Лучше б мне не видать всю эту сволочь, всех этих жалких, маленьких людей!” (О тех, кто поднимал бокалы в его честь.) “Я видел, как Гиппиус целовалась с Давыдовой. До чего это противно!”

Когда он был искренен? Леонид Андреев, уже будучи в эмиграции, вспоминал, как на квартире писателя Телешова в Москве собирались Бунин, Серафимович, Вересаев, Зайцев и другие писатели-реалисты, объединившись в кружок под названием “Среда”. Иногда приезжали из Петербурга Горький и Шаляпин. В отсутствие Горького заходил разговор о нем и его искренности. Спорили до хрипоты. И однажды Вересаев сказал: “Господа! Давайте раз и навсегда решим не касаться проклятых вопросов. Не будем говорить об искренности Горького!”

“Сквозь русское освободительное движение, а потом сквозь революцию он прошел Лукою, лукавым странником”, — написал Владислав Ходасевич. Но фактически такое же мнение (что Горький никогда не был настоящим революционером, а только попутчиком) высказывает в некрологе о Горьком и Лев Троцкий.

И это так же верно, как то, что он был странником и попутчиком во всем и везде. Он был близко связан и состоял в переписке с Толстым и Лениным, Короленко и Розановым, Чеховым и Гапоном, Буниным и Сталиным. Как это было возможно? Горький одновременно общался с реалистами, модернистами, дворянами и мужиками, большевиками, священниками, провокаторами, монархистами, сионистами, академиками, писателями, колхозниками, гопэушниками и прочими людьми на этой грешной земле, где только ему не нашлось места. “Горький не жил, а осматривал...” — заметил Виктор Шкловский.

Но при этом сколько после себя оставил этот будто бы “соглядатай”, “странник”, “попутчик”! Не говоря уже о 25 томах художественных произведений, среди которых очень многие выдержали испытание временем; громадного количества писем, до сих не опубликованных; сотен статей, от заметок 1896 года с Нижегородской художественно-промышленной выставки до ужасных по слогу восхвалений Сталину и карательным органам. И здесь же философские шедевры, вроде статей “Две души” и “Разрушение личности”. Но это только тексты. А за Горьким — еще и целые культурные институции. Товарищество “Знание”, альманахи, журналы, газеты. Издательство “Academia”, закрытое лишь после его смерти. И серия “Жизнь замечательных людей”, сохранившаяся до сегодняшнего дня, когда почти все старые книжные серии исчезли. И Литературный институт его имени. Да разве все перечислишь? Не человек, а целое культурное производство!

Но иногда Горького странно читать. Во всех его сочинениях есть что-то правдивое и выдуманное, психологиче-

ски верное и невероятное. Изображение реальности порой достигает гениальности, как, скажем, в “Климе Самгине”. Безусловно, это был великий художник из породы фламандских мастеров, и некоторые сцены в его последнем романе (чаепитие Самгиных или Петербург после Кровавого воскресенья), темнея со временем, приобретают какую-то особенную магическую силу.

И в то же время он видел то, чего не могли видеть другие. Например, людей “наедине с собой”. В 17-м томе сочинений есть такие эпизоды, которые сначала вызывают улыбку, а затем — мистический холодок. “Отец Ф.Владимирский, поставив перед собою сапог, внушительно говорил ему:

— Ну, — иди!

Спрашивал:

— Не можешь?

И с достоинством, убежденно заключал:

— То-то! Без меня — никуда не пойдешь!”

“В фойе театра красивая дама-брюнетка, запоздав в зал и поправляя перед зеркалом прическу, строго и довольно громко спросила кого-то:

— И — надо умереть?”

Или как Чехов, думая, что его никто не видит, пытался поймать шляпой солнечный зайчик.

Да, он любил человека, но “странную любовь”. В ней были и мука, и страсть, и радость, и ненависть. И конечно, “Двадцать шесть и одна”, “Коновалов”, “Страсти-мордасти”, “Однажды осенью” и другие вещи останутся среди вершин русской сентиментальной прозы. Но все-таки это была любовь прохожего к чужим детям. Зачем он вечно следил за людьми, не делая в этом между ними никакого различия (будь ты хоть извозчик, хоть уголовник, хоть Толстой)? И зачем сочинил странную сказку о Человеке?

Его миф о Человеке, “который звучит гордо”, вообще говоря, весьма сомнителен. Недаром страстный монолог

в его защиту произносит карточный шулер Сатин и рисует при этом рукой в пустоте какую-то фигуру (в “На дне” такая ремарка).

Что это за фигура? Что видел перед собой Сатин? И почему после его монолога повесился Актер?

Предположим то, чего, конечно, быть не могло. Максим Горький был *инопланетянином*. Вот откуда его странности и маски, от внешности мастерового до сходства с Ницше с его моржовыми усами, которое многие отмечали. Все его книги напоминают талантливый отчет о служебной командировке на Землю. Все замечено, ничего не упущено! Но что такое Человек, он так до конца и не понял.

Как же ему стало легко, когда его *отпустили*! Как быстро расправил он свои, допустим, крылья перед тем, чтобы окунуться в космическую бездну по дороге домой! Как, наконец, стало ясно и просто в его душе! И ученые мужи на его планете, прочитав его отчет, все-таки спросили:

— Ну, видел Человека?

— Видел!

— Какой?

— О! Это великолепно! Это звучит гордо! Это я, ты, Наполеон и другие!

— Да выглядит-то как?

И он нарисовал в пустоте странную фигуру.

**СТРАСТИ
ПО МАКСИМУ**

ДЕВЯТЬ ДНЕЙ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Булычов. *Стой! Как по-твоему — умру я?*

Глафира. *Не может этого быть.*

Булычов. *Почему?*

Глафира. *Не верю.*

Булычов. *Не веришь? Нет, брат, дело мое — плохо!*

Глафира. *Не верю.*

Булычов. *Упряма.*

Горький. *Егор Булычов и другие*

Заключение к протоколу

Официальная дата смерти М.Горького 18 июня 1936 года.

Пешков-Горький Алексей Максимович. Умер 18/VI — 36 г.

Так написано синим карандашом, наискось, на предсмертной истории болезни писателя. Заключительная хроника болезни, подписанная врачами Лангом, Кончаловским, Плетневым и Левиным, фиксирует состояние умиравшего до самых последних моментов жизни:

18.VI.1936. 11 час. утра. Глубокое коматозное состояние; бред почти прекратился, двигательное возбуждение также несколько уменьшилось.

Клокочущее дыхание.

Пульс очень мал, но считается, в данный момент — 120.

Конечности теплые.